

УДК 128

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА (К ВОПРОСУ О РОЛИ ФИЛОСОФИИ В ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ И СМЫСЛЕ ЖИЗНИ)

Ю.В. Маслянка

В статье анализируются психологический феномен и философская теория смысла жизни, ее различные уровни и стороны. Обосновывается идея ведущей роли конкретно-всеобщей философской теории и методологии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни.

Ключевые слова: смысл жизни; смысловая структура сознания; конкретно-всеобщая теория развития; интеграция науки.

Смысл жизни как специфический психологический феномен, обнаруживающий себя в сознании человека, является объектом психологического анализа и реконструкции. Однако в рамках психологических концепций данный термин употребляется напрямую. «Метапотребности, самоактуализация, самореализация и осуществление являются только различными трактовками этой проблематики» [7, с. 219]. Не вызывает сомнений, однако, что для современной психологической теории и практики экспликация проблематики смысла жизни и, шире, смысла приобретает парадигмальный характер. Именно в XX в. (особенно во второй половине) профессионалы в массовых масштабах столкнулись с так называемым *экзистенциальным неврозом*, вызванным не столько социальной дезадаптацией, сколько своеобразной самостной дезадаптацией, потерей человеком себя. Как отмечает В.Франкл, «сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Сегодняшний пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена Адлера, сколько от глубинного чувства утраты

смысла, которое соединено с ощущением пустоты...» [12, с. 24]. Феноменология «экзистенциального вакуума», специфического ощущения утраты смысла в XX в. становится лейтмотивом многих художественных произведений, экзистенциальной философии.

Исследовательский интерес к феномену смысла жизни (переживания, поиска, утраты смысла) выявил его исключительный характер в структуре субъективного мира личности (как психологической метапотребности, «смысловой вертикали сознания личности») и инициировал процесс философского фундирования психологической теории, интеграции ее теории и методологии. Наиболее адекватным выражением этого процесса, с нашей точки зрения, следует считать формирование отечественной психологической теории деятельности, начало которой было положено еще в трудах Л.С.Выготского. Принципиальное развитие данная теория получает в работах А.Н.Леонтьева и его многочисленных последователей. В 70-80-е гг. прошлого века она бурно развивается — формируется куст понятий, описывающих структурные элементы смысловой сферы личности (А.Г.Асмолов, Б.С.Братусь,

* Статья подготовлена при поддержке гранта ЕЗН Минобрнауки «Философия как инновационный фактор науки и образования» № 1.13.11.

В.К.Вилюнас, В.В.Столин, Е.В.Субботский и др.); предложены классификации смысловых образований (Е.Е.Насиновская и др.), концепции смысловой динамики (Ф.Е.Василюк) и смысловой саморегуляции (Б.В.Зейгарник, В.А.Иванников) [5, с. 103]. В данном контексте особый интерес представляют идеи А.Н.Леонтьева о *личностном смысле*, предметной деятельности индивида как основе смыслопорождения, иерархии мотивов и целей личности, подчиненных в конечном счете главной человеческой цели, которая есть «человек Человечества», чья жизнь резонирует миру, обусловливает, способствует его благу» [1, с. 85]. Проясняя содержание этих идей, Б.С.Братусь пишет следующее: «В каждой смысловой внутренней реалии так или иначе присутствует, явно или смутно отражен весь смысловой ряд, вся смысловая вертикаль, иерархия данного человека. Разрушение ее означало бы разрушение главного стержня, который удерживает конкретные деятельности, без чего они обесцениваются, обесцвечиваются, теряют самый вкус жизни. В клинике известен так называемый экзистенциальный невроз — человек все может делать и даже во всем способен преуспевать, но жизнь лишается смысла, и он бессильно повисает, как марионетка, которую уже никто не держит» [1, с. 85]. Здесь на уровне психологической теории мы обнаруживаем важное для нас понимание того, что каждая смысловая реалия, личностный смысл, или просто смысл помимо своего специфического, особенного (и уникального) содержания, всегда несет некое общее содержание, связывающее его с другими смыслами, единицами субъективности и структурами субъективного мира личности. Вместе с тем серьезный анализ ряда современных вариантов психологической теории деятельности (Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев и др.) обнаруживает заметный дрейф данной теории в сторону идеалистической трактовки социального действия и социальной реальности в целом. В определенном аналитическом контексте мы можем рассматривать *образ Я, отражение-переживание себя* (самосознание) как то общее содержание, которое интегрирует и в известном

смысле формирует субъективную картину реальности, но мы не имеем права гипостазировать, распространять это представление на реальность в целом, на социальную реальность, жизнь и деятельность личности. Психология смысла здесь неизбежно сталкивается с проблемами, выходящими за пределы ее сугубо специфического (особенного) анализа в сферу общего (всеобщего). Проблематика смысла, таким образом, выявляет специфические пределы, ограниченности психологической теории, в рамках которой невозможно ответить на вопросы о фундаментальных онтологических механизмах смыслопорождения, формирования смысловых иерархий (внутренней архитектуры смысла), его роли в деятельности человека; о подлинной диалектике значения и смысла, «предметного» и «личностного» смысла (особенного и общего в содержании смысла). Психологическая теория как таковая не в состоянии ответить на принципиальный для нее вопрос, откуда в сознании появляется потребность в смысле, и, соответственно, ответить на вопросы о причинах современного «экзистенциального вакуума», действительных механизмах преодоления этой ситуации в обществе.

Проблематика смысла жизни с выраженным индивидуализированным содержанием, акцентированием проблематичности смысла, адекватного миро- и самопонимания выдвигается на первый план в философии XX в. Феномен *осмысления* жизни становится центральным для целого ряда направлений современной философии — феноменологии (которую нередко определяют как *философию смысла* [2, с. 16]), философии жизни, неокантианства, философской антропологии, экзистенциализма. Так, по М.Хайдеггеру, основным вопросом философии является вопрос о смысле бытия, который раскрывается в присутствии, т.е. переживании бытия человеком. А.Камю еще более определенно называет основным философским вопросом — вопрос о смысле жизни: стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой... Анализ *конкретных смысловых единств* — «жизненного мира», «экзистенции», «бытия-в-мире» и пр., данных нам непосредственно, в переживании, делает

излишним, элиминирует, по мнению представителей современной неклассической философии, традиционный основной вопрос философии и связанную с ним систему фундаментальных философских абстракций. Именно такая конкретная философия, отвергающая всевозможные «измы», по образному выражению Г.Марселя, производит впечатление «ожога от реальности» [6, с. 52]. С одной стороны, мы согласны с тем, что логика развития современной философской теории, обладающей практической значимостью, предполагает движение (восхождение) от абстрактного к конкретному, философский анализ различных особенных сторон и аспектов реальности. С другой, обнаруживаем, что в рамках современной неклассической философии, в том числе и претендующей на статус научной аналитической философии [10], данная тенденция приобретает странный, парадоксальный характер — формирования псевдоконкретной философии или, точнее, псевдофилософской теории, распадающейся на фрагменты и утрачивающей возможность глубоко раскрывать, реконструировать конкретное. Бросается в глаза и основной порок такой логики, согласно которой предметом философии может быть только конкретное, или «нюансы», уникальные моменты действительности. Это парадоксальная, не диалектическая трактовка связи общего и единичного, бесконечного и конечного, объективной и субъективной реальности.

Предметом философии в традиционном абстрактно-всеобщем ключе является всеобщее, в современном конкретно-всеобщем понимании всеобщее и сжатое, концентрированное объяснение особенного, когда восхождение от абстрактного к конкретному предполагает и включает в себя в снятом виде обратный процесс. Элиминация всеобщего, наиболее фундаментального плана объяснения действительности, связанного с движением от конкретного к абстрактному, выявлением наиболее существенного, основного содержания действительности, неизбежно ведет и к элиминации особенного, специфического содержания действительности. Устранение всеобщего и, соответственно, де-

терминирующих связей, скрепляющих все многообразие особенных и единичных сторон действительности, неизбежно ведет к «восстанию» особенного и единичного, «философскому самоубийству», утверждению псевдофилософской эклектической картины действительности.

Наиболее глубоко выражая практическую мощь философии, направленность всеобщего на особенное и единичное, проблема смысла жизни не устраняет, а, напротив, включает в качестве своего ядра, фундамента традиционный основной вопрос философии об отношении мышления к бытию, сознания к материи. Сформулированный и в основном описанный Ф.Энгельсом, он представляет собой пример правильно поставленной научной проблемы, выявляя единственно возможный способ определения сущности бесконечного мира, всеобщего содержания действительности и, соответственно, фундаментального содержания особенного и единичного. Экспликация наиболее фундаментального уровня основного вопроса философии, представленного системой трех уровней [9], с нашей точки зрения, в сжатом виде демонстрирует логику развертывания философской теории от абстрактного к конкретному. При этом проблема смысла жизни (сущности человека, включающая в качестве подчиненного момента проблему сознания, возможностей социального (само)отражения), представляет собой модификацию и предельную конкретизацию традиционного основного вопроса философии. Логика конкретно-всеобщего анализа действительности (опосредованная абстрактно-всеобщим подходом и формирующаяся на его основе) выявляет исключительный характер социальной материи, интегрирующей и структурирующей действительность в целом. В данном контексте человек предстает как особенное особенное и особенное единичное, несущее и выражающее всеобщее как целое; предстает как такая предметная форма, предметное существо, в котором достигается принципиальное тождество всеобщего и единичного, бесконечного и конечного. На этом уровне анализа раскрывается наиболее общая природа человека в отношении к сущности материаль-

ного мира в целом, единому мировому процессу и в отношении к другим особым областям реальности; выявляются наиболее общие перспективы развития человека-субстанции.

Однако философская проблема и теория смысла жизни не исчерпываются своим наиболее фундаментальным и значимым общефилософским уровнем. Данная проблематика далее насыщается особым содержанием на уровне социально-философского анализа. Здесь исследовательская мысль так же первоначально движется от конкретного (феноменально фиксируемого богатства социальной действительности) к абстрактному, выявляя наиболее общую природу социальной материи, сущность социального детерминизма, схваченных фундаментальным вопросом об отношении общественного сознания к общественному бытию. Как только такая наиболее общая природа социальной материи выявлена и схвачена в системе понятий, становится возможным и обоснованным обратный процесс восхождения от абстрактного к конкретному, реконструкции всего богатства социальной жизни как иерархически выстроенной и интегрированной (образованной) *трудом* системы [6]. Труд при этом предстает не как рядовая сущностная сила, свойство человека, а как наиболее полное и аутентичное выражение его сущности, как способности быть причиной самого себя; предстает как «сущностная сердцевина» реальности, где достигается предельное и постоянно углубляющееся в себя тождество всеобщего и единичного, бесконечного и конечного, родового и индивидуального. Понятно, что задача научного анализа состоит не в том, чтобы свести все особенные стороны и моменты социальной действительности к труду, а в том, чтобы раскрыть их своеобразие, специфику, логику развития, что становится возможным лишь в отношении к труду, в котором достигается предельное тождество человека себе. Реализация конкретно-всеобщего подхода здесь позволяет не только подметить повторяемость в жизни различных обществ и выстроить общую картину их жизни, но и представить ее в развитии как закономерную смену специфических форм,

определенных способов производства и соответствующих им смысловых систем. Как и в случае с общефилософской теорией проблематика смысла жизни является предельной конкретизацией содержания социальной философии, ее квинтэссенцией. Итогом специфического конкретно-всеобщего анализа общества должна быть система представлений об основных, наиболее благоприятных возможностях его развития на *определенном историческом этапе*.

Логика конкретно-всеобщего анализа проблемы смысла жизни далее предполагает философски фундированное исследование и изложение того, что выше было названо *конкретными смысловыми единствами*, т.е. конкретного богатства нравственных, эстетических, философских представлений эпохи (того, что классики называли *идеологией* общества). Так, по мнению В.А. Капанова, общефилософский и социально-философский уровни исследования обязательно должны дополняться анализом этики, эстетики, социальной психологии смысла жизни [3, с. 132], призванных давать оценку существующим смысловым системам, формировать образцы поведения, нравственный, эстетический и социально-психологический портрет и, одновременно, идеал человека определенной эпохи.

Кроме того, современная научная теория смысла жизни и, шире, смысла должна включать в себя и интерпретировать наработки других, иногда только формирующихся областей исследования, находящихся на стыке философии и частных наук. К ним сегодня следует в первую очередь отнести комплекс когнитивных исследований сознания. Важно при этом учитывать, что логика развертывания различных особенных, относительно более частных уровней и аспектов проблемы задается логикой развертывания общефилософского уровня теории. Всеобщее понятое и развернутое как подлинно-всеобщее, конкретно-всеобщее, несущее особенное «*в зачатке, в тенденции, зародыше*» [8, с. 70], позволяет действительно глубоко анализировать особенное, реконструировать его логику развития и богатство содержания. Интег-

рируя научное знание в целом, конкретно-всеобщая философская теория работает в «подпочвенном слое» науки, определяя основное содержание, смысл частнонаучных понятий и логики. Серьезные деформации современной науки, выражающиеся в эклектизме, фрагментации теоретического пространства, дистрофии объяснительной и прогностической функций основных естественных и общественных наук, методологической травме исследователя [11], следует связывать с *кризисом ее философского фундамента*. Если отвлечься от конечных, объективных причин этой ситуации, лежащих за пределами и науки, и общественного сознания в целом, то следует констатировать, что современный кризис фундаментальных основ науки связан с трудностями в создании развернутой системы категорий научной философии и, соответственно, развернутой картины природного и социального детерминизма.

Традиционный для гуманитарных дисциплин интерес к «смыслу», значимости для человека тех или иных вещей, явлений и процессов, собственного существования, в XX в. становится характерным и для естествознания. Внимание к конкретным смысловым единствам, углубленный анализ субъективности, специфики познавательного процесса является неизбежным следствием сложной преобразовательной деятельности человека, обнаруживающей и постоянно подтверждающей его исключительное место в мире. Понятие смысл, которое во многом стихийно используется в современной науке, с нашей точки зрения, выражает конкретное тождество бесконечного и конечного, всеобщего, особенного (и единичного) в сознании, субъективном мире человека, специфическую «предметность» сознания, являющуюся производной от объективной самоусложняющейся предметности мира. Смысл обладает необходимой для развертывания целостной картины субъективной реальности «массовидностью». Но, главное, он обладает необходимым для этого богатством содержания, позволяя обогащать или, точнее, разворачивать скрытое содержание всеобщего, фундаментальных философских абстракций.

Как и понятие образ, смысл фиксирует данность в сознании сущности предмета (мира в целом), объективного содержания реальности. Однако в отличие от образа (центрального понятия ленинской теории отражения) смысл, по-видимому, более точно выражает связь объективного содержания сознания с его субъективной формой, той формой, которая задается социальной предметностью, отражением-переживанием человеком себя. Смысл в современных исследованиях ассоциируется с деятельной природой социального субъекта, творческим, конструктивным и даже «опережающим отражением» (П.К. Анохин) действительности (что, впрочем, в той же мере может быть отнесено и к философскому понятию субъективного *образа* мира). Кроме того, смысл («смыслью») выявляет специфику сознательного, связанного с трудом и речью, языком отражения действительности, включающего в себя в снятом виде собственно чувственное, бессознательное отражение действительности.

Смысл, далее, более явно выражает интенциональную (направленную) целерациональную природу сознания: смысл — это всегда смысл чего-либо, конкретных предметов, ситуаций, действительности в целом. В данном понятии схвачена исходная, базовая структура сознания — высвечивание, фиксация предметных форм в отношении к сущности человека как *принципиальной предметной форме, принципиальному предметному существу*.

Необходимо отдать должное тем современным исследованиям сознания, которые вышли на феномен смысла и обнаружили неординарную связь самоосмысления и предметного смысла. Однако следует констатировать, что в рамках современной неклассической философии и новейших частнонаучных исследований сознания не сформулированы четко или не верно сформулированы исходные принципы анализа и развертывания *онтологии субъективности*, смысловой структуры сознания и роли в ней социального самоосмысления. Это следует связывать с кризисом фундаментальной философской теории и методологии, попытками анализа смысла (сознания) «изнутри», как суб-

станциальной и единственной реальности, «выведением за скобки» объективных содержаний сознания, когда смысл оказывается в теоретическом плане «просто X» (Э.Гуссерль). При этом анализ смысловой структуры сознания теряет конкретно-всеобщий характер. Утрачена возможность выявления специфики смысла (сознания), причин и механизмов развертывания субъективной картины мира. Смысл, субъективная реальность «заслоняет» человека как своего носителя и объективную реальность в целом, в отношении к которой только и могут быть выявлены собственная природа и богатство субъективной реальности.

Как представляется, в качестве исходных принципов развертывания научной онтологии субъективности, смысловой структуры сознания должны использоваться принципы и установки марксистской гносеологии. В данном контексте смысл предстает как единица, элементарная «клеточка» субъективной, вторичной, производной от материи, реальности. Смысл интегрирует различные уровни и стороны субъективности (психики человека), реализуясь лишь в системе, иерархической структуре субъективности, как опосредующий момент материальной, иерархически выстроенной предметной активности человека. Сознание рассматривается как материя, лишенная собственного интегративного качества «быть причиной самой себя», порождать саму себя. Сознание, субъективная реальность или идеальное есть момент небытия или, точнее, «инобытие» материальной субстанции, ее акцидентальное проявление [4, с. 48]. Безусловно, обладая реальностью, специфической формой существования, сознание не является основой, источником развертывания бытия как такового, во всем бесконечном многообразии его сторон и моментов, сложности действительности. Сознание, всегда представленное своему носителю в виде конкретных смысловых единств, иерархии смыслов, есть высшая форма самоотражения и самоотрицания материи, фиксация ее различных содержательных сторон и моментов в отношении к высшему, принципиальному предметному существу — человеку. Для проясне-

ния феноменологии сознания весьма эффективна метафора «*мерцающей субъективности*» (С.В.Комаров) или «мерцающей смысловой структуры и, одновременно, образа (смысла) Я», отражающей объективно разворачивающуюся социальную предметность.

Очевидно, что феноменологически ориентированные направления современной философии и тяготеющие к ним в силу специфики предмета частнонаучные исследования сознания пытаются решить в отношении субъективной реальности ту же проблему, которую в основном решил и продолжает плодотворно решать в отношении объективной реальности современный конкретно-всеобщий материализм. Речь идет о создании целостной, не только внутренне, но и внешне непротиворечивой, т.е. практически подтверждающейся, развернутой картине «субъективного детерминизма». На этом пути, однако, закономерно возникают непреодолимые, с нашей точки зрения, трудности. Феноменологически ориентированные исследования сознания не учитывают тот факт, что субъективная реальность не имеет внутренней, самостоятельной сложности (предметности). Не имеет она и внутреннего критерия сложности (осмысленности) собственных феноменов. Если, конечно, не брать во внимание в качестве такового «самоочевидность», как следствие непосредственной данности тех или иных субъективных феноменов их носителю. Отрываясь (абстрагируясь) от реальной материальной практики человека (концентрированно представленной в системе естественных и общественных наук), феноменологически ориентированные исследования сознания неизбежно ограничиваются абстрактными, довольно тривиальными представлениями о содержании, структуре и динамике смысла: центре (фокусе) и периферии внимания; чувственном и логическом, неязыковом и языковом, бессознательном и сознательном уровнях психики человека и т.д. Следует обратить внимание на то, что эти и многие другие структуры и механизмы функционирования психики человека выявляются и становятся объектом непосредственного восприятия только в результате материальной ак-

тивности человека как в ходе его исторического, так и индивидуального развития.

Еще одна закономерная трудность, естественно выливающаяся в ошибку феноменологического анализа сознания, — вовлечение в сферу «сугубо феноменологической рефлексии», когда она стремится стать конкретной, вовлечение объективных детерминант субъективности — ценностей, установок, образцов поведения и пр.

С материалистических позиций, мы не можем говорить о самостоятельной сложности, внутренней детерминации и, следовательно, иерархической структуре субъективности. Однако можем говорить об *отраженной, производной от объективной, сложности и структуре смысла*.

Объективная сложность действительности есть следствие субстанциальной активности материи, ее высшего цвета — человека. Она (объективная сложность), в отличие от предметных форм, определяется их совпадением, тождеством со всеобщим и бесконечным содержанием субстанции, а поскольку принципиальное тождество единичного и всеобщего, конечного и бесконечного достигается в человеке, то совпадение объективной сложности с последним. Понято, что отмеченное тождество непрерывно подрывается изнутри и снимается новым, высшим содержанием и совпадением бесконечного и конечного, целостным интегративным качеством человека-субстанции.

Субъективная сложность, или смысл, тех или иных предметных форм, в конечном счете, определяется их объективной сложностью, фиксируемой в отношении к высшему объективному качеству человека. Смысловая архитектура сознания, таким образом, представляет собой отражение, «инобытие» объективной иерархии действительности на базе человека, как субъекта отражения и, главное, субъекта материальной активности.

В первом приближении смыслы различаются как более или менее сложные, отражая более или менее значимые для субъекта материальной активности объективные предметные формы (предметы, явления, процессы и их различ-

ные стороны). Далее мы можем говорить о бесконечной, углубляющейся «в себя», иерархии смыслов, отражающей бесконечную, иерархически выстроенную, систему мира, схваченную концептуальной схемой *единого закономерного мирового процесса* [2, 3, 11]. Как и объективно разворачивающаяся иерархия действительности, смысловая архитектура сознания не есть простая смена высшего и низшего. В своем непрерывно усложняющемся рисунке она воспроизводит открытые конкретно-всеобщим материализмом закономерности соотношения высших и низших предметных форм, магистральной и тупиков развития; аккумулятивную и конвергентную закономерности развития, закономерность «оптимумов и максимумов», закономерность отбора и другие [2, 5, 12]. В конечном счете, смыслы естественных (природных) предметных форм подчиняются и интегрируются смыслом социальной реальности. Последний так же имеет сложную архитектуру, отражая объективное содержание, логику развития и иерархическую структуру социальной жизни.

Объективная сложность социальной действительности производится человеком и определяется совпадением, тождеством различных особенных сторон и моментов социальности с трудом как всеобщим выражением социальной предметности, ее магистральным направлением развития. Здесь так же обнаруживаются, структурируя социальную реальность, упомянутые выше конкретно-всеобщие законы и закономерности развития. Субъективная сложность, или смысл, тех или иных социальных практик, в конечном счете, определяется их объективным содержанием, тождеством труду. Однако и сам труд как бесконечный и всеобщий процесс включает свои конечные, особенные и единичные стороны и моменты, несущие в себе и по-разному выражающие его бесконечное, всеобщее, субстанциальное содержание. Объективная сложность особенных и единичных моментов труда и интегрированных ими материальных практик определяется их совпадением, тождеством со всеобщим содержанием труда, реализующегося каждый раз в своих новых ма-

гистральных особенных и единичных моментах.

Таким образом, вся бесконечная смысловая иерархия личности, в конечном счете, подчиняется и интегрируется смыслом нового материального состояния человека, его нового объективного качества, более полно и глубоко выражающего тождество всеобщего, особенного и единичного, бесконечного и конечного, родового и индивидуального.

Переживание (осмысление) жизни в широком смысле слова — это вся бесконечная совокупность переживаний человека (общества) от элементарных единичных ощущений до сложных теоретических построений. Однако это не аморфный и не поддающийся структурированию и анализу «поток переживаний», как уверяют иррационалисты, акцентирующие внимание на единичных и особенных моментах существования. Несмотря на многообразие случайностей и некоторую неопределенность, психическая жизнь человека имеет вполне определенную и поддающуюся анализу смысловую структуру, отражая вполне определенную, закономерно развивающуюся и сложно структурированную объективную реальность.

Переживание жизни в узком смысле, или *собственно смысл жизни*, — это отражение *наиболее общего магистрального направления развития личности, реализуемого человеком способом преобразования природы, себя, общества, и наиболее общего, концентрированного содержания особенных сторон жизни* (производственных и классовых, семейных и этнических отношений). Термин «смысл жизни» чаще всего употребляется именно в узком смысле, раскрывающем его практическую и теоретическую ценность. Пережить, осмыслить жизнь во всем бесконечном богатстве ее объективных сторон и моментов (включая бесконечное многообразие возможностей и случайностей) невозможно. Невозможно это не только в отношении чужой, но и своей собственной жизни. Главное — в общем охватить в сознании фундаментальное содержание, логику и тенденции развития своей жизни, жизни других людей, народов и обществ. Это содержание всегда ре-

конструируется целостным человеком, субъектом труда, отношений, смыслов и насыщается тем самым всеобщим, особенным и единичным содержанием жизни данного определенного человека. Опорой анализа, объективным критерием сложности жизни определенных людей, народов и обществ выступают для нас реализованные в том или ином обществе производственные отношения. Однако не они являются источником и конечной основой объективной сложности и, соответственно, осмысленности нашей жизни и жизни других людей. В качестве такой конечной основы выступает сама наша материальная жизнь, точнее, ее сердцевина — наша социальная предметность и, чем она сложнее, тем глубже мы понимаем себя, других людей, логику и тенденции общественного развития.

Очевидно, что сложно структурированная и непрерывно усложняющаяся материальная практика человека (общества) или, если конкретизировать, жизнь и деятельность личности, с необходимостью предполагает сложное духовное опосредование в виде смысловой организации, иерархической структуры сознания. Даже самые элементарные социальные практики немыслимы вне смысловой организации, иерархии сознания, фиксирующей объективную сложность тех или иных предметных форм. Отражая объективные противоречия социальной жизни, прежде всего, противоречие между высшим и низшим в труде, смысловые противоречия в обществе способствуют выявлению и утверждению прогрессивных материальных практик и стилей жизни. Особенно обостряются эти противоречия в сложные, переломные моменты истории, характеризующиеся сосуществованием и борьбой противоположных (высшего и низшего) способов производства общественной жизни. Не случайно именно наше время — время вырождения товарной экономики, капиталистического способа производства и завершения «предыстории» человечества, по К.Марксу, — характеризуется как никогда острыми смысловыми конфликтами, формируя у целых социальных групп и народов мира ощу-

щение утраты смысла, ценности, значимости жизни.

Ощущение утраты смысла, формирующееся у отдельных людей, социальных групп и народов, в конечном счете, отражает объективную ситуацию вырождения конкретных стилей жизни или целого способа производства общественной жизни, образующего и интегрирующего все многообразие особенных сторон и моментов жизни того или иного общества. Таким образом, как истоки, так и средства преодоления «экзистенциального вакуума», смысловой потерянности, кризиса смысла лежат в объективном пространстве общественной жизни. Только объективные социальные практики, выражающие становление нового способа производства человека и общества, — применительно к современности, всеобщего труда и соответствующих ему отношений, — могут служить прочной основой подлинной осмысленности бытия.

Список литературы

1. *Братусь Б.С.* Смысловая вертикаль сознания личности // *Вопр. филос.* 1999. № 11.
2. *Внутских А.Ю.* Парадокс отбора и его возможное решение // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Социология. Психология.* 2011. № 3. С. 5-11.
3. *Внутских А.Ю.* «Глобальный антропный принцип» современного естествознания и интерпретация смысла человеческого бытия // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Социология. Психология.* 2012. № 1.
4. *Гуссерль Э.* Избранные работы. М., 2005.
5. *Капранов В.А.* Нравственный смысл жизни и деятельности человека. Л., 1975.
6. *Корякин В.В.* Общественно-экономические формации: сущность, структура, закономерности развития // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология.* 2010. № 2. С. 4-20.
7. *Корякин В.В.* Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь, 2008. Ч. 2.
8. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.
9. *Марсель Г.* Опыт конкретной философии. М., 2004.
10. *Обуховский К.* Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб., 2003.
11. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Пермь, 1999. Ч. 3.
12. *Орлов В.В.* Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып. 1. Пермь, 2001.
13. *Суровцев В.А.* Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // *Вопр. филос.* 2010. № 8.
14. *Татарова Г.Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // *Социс.* 2006. № 9.
15. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

THE SENSE OF HUMAN LIFE AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON AND PHILOSOPHICAL PROBLEM (ON THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE INTEGRATION OF SCIENTIFIC IDEAS ABOUT THE NATURE AND SENSE OF HUMAN LIFE)

Julia V. Maslyanka

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, Russia, 614990

In the article the psychological phenomenon and philosophical theory of the sense of human life, its different levels and directions are analyzed. Held idea the leading role of the concrete-universal philosophical theory and methodology for the integration of scientific representations of the nature and sense of human life.

Keywords: sense of human life, the sense structure of consciousness, a concrete-universal theory of development, the integration of science.